

АЫХАНИЕ Сахары чувствуется здесь повсюду. Даже за многие сотни километров к югу от великой пустыни, в столице Нигера Ниамее. И это несмотря на то, что город омывают мутно-зеленые воды могучего Нигера — единственной никогда не пересыхающей реки в стране. А страна огромна. Она в два раза больше своего бывшего колониального хозяина — Франции. И половина этой громадной страны — пустыня.

Реке удастся спасти только изумрудную зелень травы на островках. Уже на берегу зелень блекнет, а в десяти метрах от него — иссохшая потрескавшаяся земля.

Пустыня напоминает о себе на каждом шагу. Когда я впервые увидел на центральной улице Ниамея кочевника-туарега, царственно восседавшего на изукрашенном коне и увешанного целым арсеналом оружия, то крайне удивился: его лицо было закрыто черной плотной тканью до самых глаз. А ведь стояла пора безветрия, песчаных бурь не предвиделось, страшный сахарский ветер гарматтан надолго оставил в покое эти места. Ночью, когда жара, хватаящая за глотку, давящая и неотступная, немного спала, в каменистых перелуках можно было увидеть грациозную африканку, несущую на громадном — в метр — круглом подносе товар — горсть арахиса и горсть орехов кола. А рядом с ними — горящая свеча. В воздухе никакого движения. Торговка, покачивая бедрами, идет так легко и спокойно, что пламя свечи над ее головой словно замерло, не шелохнется. В такую минуту почти невозможно поверить, что над этой землей может бушевать гарматтан.

...Наш шофер Герба Амаду вел свой выдавший виды вездеход-лендровер с бешеной скоростью. Пулеметной дробью стучали камни по машине — снизу, сбоку, по толстым стеклам и даже по верху. Позади длинным хвостом кометы стлался шлейф красной пыли. Пыль затягивала, превращая в мрак, пустынную окаменевшую саванну. Редкие, казалось, навсегда засохшие, баобабы. Зонтичные акации, сбросившие листья. Растрескавшаяся, словно вымершая земля.

Но жизнь то и дело напоминала о себе.

То гнал мимо стадо овец пастух в белом или черном бубу до пят наподобие тоги и в просторной плетеной шляпе, узкие поля которой чуть ли не лежали на плечах. (Всякий раз я недоумевал: где на этой оцепеневшей от неотступного зноя земле — даже ночью термометр показывал 35° — можно найти хоть травинку, хоть полузасохший листок?!). То — всегда слева от проселка — в сотне

метров от нас мелькали конусообразные крыши деревенских хижин. Тогда я просил шофера:

— Герба, останови.

Но он спешил и лишь слегка притормаживал, давая разглядеть деревеньку и сверкающую за ней зеркальную гладь Нигера, вдоль которого на север, к Сахаре, вилась дорога.

— Скажи, Герба, а в этой деревне школа есть?

Он отрицательно вертел головой. После многих десятилетий колониального владычества неграмотность среди взрослого населения Африки составляет в среднем 90, а в некоторых странах — даже 95—99 процентов. Я знал, что Нигер, провозгласивший независимость в августе 1960 года, был усилиями хозяев так называемого Французского сообщества одной из самых отсталых стран француз-

ской Тропической Африки. И все же, когда Амаду снова и снова отрицательно вертел своей коротко стриженной головой, мне становилось не по себе.

Чтобы навсегда запомнить, что такое просвещение для африканца, достаточно было увидеть, с каким почтением крестьяне говорили с нашим шофером.

Шофер — одна из популярнейших фигур в современной Африке. В Нигере нет железных дорог. Никак нельзя назвать современными железными дорогами и те несколько изношенных одноклеек у западных соседей Нигера, что построены колонизаторами для переброски минерального и сельскохозяйственного сырья к портам Атлантики. Наш Герба Амаду был для крестьян не просто олицетворением лихой породы шоферов, с ризом для жизни гонимых по скверным дорогам Африки. Прежде

всего он был для них большим специалистом, человеком безбоязненно и умело управляющим с современной техникой — с автомобилем. Это ведь не такое пустячное дело, как совладать с необъезженным скакуном, полудиким верблюдом или обзаведшим быком с растопыренными в стороны почти метровыми рогами, — этим кочевников и скотоводов, живущих здесь, на южной окраине Сахары, не удивишь.

Мы же знали, что Герба Амаду, служивший нам переводчиком в беседах с крестьянами джерма и пель, может лишь говорить на ломаном французском языке. Мы знали, что наш Герба, любивший для солидности (по обычаю ниамейских шоферов) небрежно носить под подбородком пижонские темные очки, не умеет ни читать, ни писать.

— Трудно быть журналистом, — не раз говорил он. — Надо все время разговаривать и, — тыкал он красивым пальцем, увенчанным оловянным кольцом, в мой блокнот, — надо все время писать!

А. ПОЛИЩУК

Наш специальный корреспондент

Фото автора

Этот громадный кувшин наполнен водой из Нигера, который течет в трехстах метрах отсюда.

И все-таки до конца понять место Амаду и его товарищей по профессии в этом обществе, которому предстоит вырваться из невежества, я смог лишь тогда, когда однажды, взяв в руки местную газету «Нижер», прочел следующую, на мой взгляд, светскую хронику: «Шофер второго (!) класса господин Аям Джьямбала перешел на работу из гаража господина Помпиду в гараж господина Тренкье». И больше ни слова! Читатель проинформирован о важном событии. А ниже, под рубрикой «Административные назначения», стояло объявление, быть может, еще более важное: «Господин Исака Сейду назначен садовником министерства информации».

Садовник — это специалист. В стране, все экономические интересы которой сосредоточены в сельском хозяйстве, нет ни одного своего агронома, зоотехника или ветеринарного врача.

Стоит заметить, что еженедельная газета «Нижер», в которой были помещены объявления, — это два десятка листов, по формату напоминающих лист машинописной бумаги. Текст (крупным шрифтом) напечатан на одной стороне каждого листа. Вся газета состоит из коротких информационных заметок и целиком посвящена жизни страны. Другое издание — ежемесячник «Тан дю Нижер» дает читателю международную информацию. Здесь печатаются телеграммы, присылаемые западными агентствами (прежде всего Франс пресс). «Нижер» стал выходить вскоре после провозглашения независимости, а «Тан дю Нижер» увидел свет за несколько месяцев до этой даты. Страну населяет 3,5 миллиона человек, а тираж обоих изданий, вместе взятых, равен 2,8 тысячи экземпляров. Увеличение тиража сейчас и не представляется необходимым. Причина тому — почти поголовная неграмотность.

Корректный шеф кабинета информации — африканец познакомил нас, советских журналистов, с местными газетчиками. Их было всего четверо: три молодых француза и бородач-бразилец; нигерца — ни одного. Редактор обоих изданий — он сам, шеф информации.

— У нас не было своих кадров, — сказал он. — Поэтому мы попросили прислать журналистов по соглашению. Контракт с ними подписан на два года. А через год-другой из Парижа вернутся нигерцы, которые там учатся, и сменят иностранцев. О, через год-другой многое изменится. Мы сейчас принимаем решительные меры по борьбе с неграмотностью. Важная роль в этой борьбе отводится радиоинформации. Передачи ведутся на языках племен. Создано 12 радиоклубов.

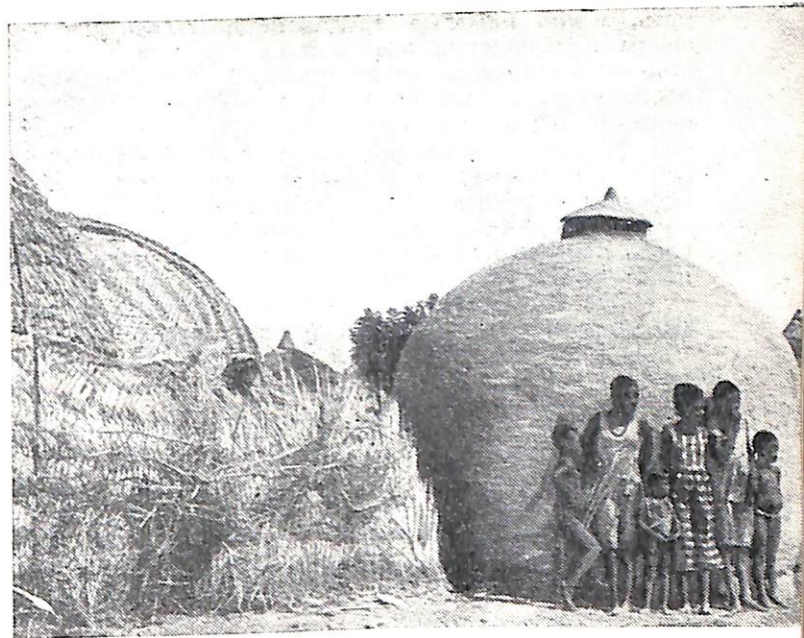
И так повсюду. С кем бы мы ни говорили в Нигере — с президентом Амани Диори или главой Национальной ассамблеи Бубу Хама, с генеральным секретарем объединения профсоюзов или с нашим шофером Герба, — все они, перечисляя главные проблемы страны, прежде всего упоминали проблему образования.

Министр просвещения Ару Кука принял нас радушно.

— Я знаю, — сказал он, — как блестяще Советский Союз решил проблему национального просвещения, как в ваших национальных республиках вводилось преподавание на родном языке. Нам все это еще предстоит. Но уже сделаны первые, скажу нашу страну из невежества, в которое повергло ее колониальное господство. За несколько лет существования независимой республики в области про-

свещения сделано больше, чем за время владычества Франции. Накануне независимости учебные заведения страны посещало лишь четыре процента детей. У нас была 191 школа первой ступени (20,5 тысячи учеников), пять школ второй ступени (675 учащихся) и одно техническое училище. Как видите, ничтожно мало. А в 1961 году, менее чем через год после завоевания независимости, уже открылись педагогические училища в Ниамее, Зиндере, Такуа, была организована техническая школа в Маради, в школах второй ступени обучалось вдвое больше учеников, чем прежде. И, наконец, нельзя не упомянуть о двух технических училищах и предмете нашей гордости — Национальном лицее в Ниамее.

Все это большое достижение для нас. Надо помнить, что в год провозглашения независимости только два процента населения Нигера было грамотным. Наша страна — мусульманская, и, хотя в провинциях девочки и мальчики учатся вместе, там, где есть возможность, мы вводим раздельное обучение.

У деревенского зернохранилища.

Чтобы спастись от въедливой красной пыли, всадники прикрывают лицо до самых глаз.

— У меня одна жена, — говорит семидесятилетний староста деревни.

Наши учителя понимают, какой груз ответственности за будущее страны лег на их плечи. И они не жалеют сил. Вот пример: преподаватели центра по подготовке пилотов в Маради безвозмездно обучили грамоте 800 крестьян из близлежащих деревень. В 1964 году неграмотность в этих деревнях в основном ликвидирована. Благородное начинание учителей из Маради поддержано и в других кантонах.

После беседы с министром мы отправились в Национальный лицей — среднее учебное заведение, о котором с такой гордостью упоминал Ару Куа. Сюда принимают детей после окончания школы первой ступени. Учатся здесь семь лет. Детей кормят, одевают и учат бесплатно. В лицее занимаются 712 человек, из них 200 девушек. Сюда приезжают со всех концов страны.

И здесь, в этом лучшем учебном заведении Нигера, как нельзя определеннее можно было уви-

деть, какие немалые трудности достались работникам просвещения африканских стран в наследство от колониального прошлого. У Африки (и это особенность не только Нигера) нет своих учебников, своих учебных программ. Недаром на всех общеафриканских конференциях, посвященных проблемам народного образования, делегаты требуют провести «африканизацию» просвещения.

Провизор (директор) Джибо Хаби, усмехнувшись, показал нам французский учебник географии, изданный в 1962 году:

— На изучение национальной географии отводится времени в десять раз меньше, чем на изучение бывшей метрополии.

Кстати сказать, в этой довольно толстой книжке Советскому Союзу было уделено лишь несколько страничек.

Когда мы уходили из лица, к нам подошел мальчик лет десяти.

— Бонжур, камарад,— сказал он несколько смущенно. И потом вдруг, уже окончательно растерявшись, добавил:

— Гуд бай.

Шофер Герба Амаду сказал серьезно:

— Ив приходит в лицей почти каждый день. Он хочет здесь учиться.

— Он будет учиться,— сказал провизор Джибо Хаби и погладил мальчика по голове.

Солнце заходит за горизонт. На одной из площадей Ниамея — огромная толпа. Гремят тамтамы. В центре — борцы и судьи. Каждый день в это время здесь происходят состязания.

